

Г.А. Вишневский

аспирант кафедры
судебной власти и
организации правосудия
факультета права
Национального
исследовательского
университета «Высшая
школа экономики»,
юрист ООО «КРК —
Страхование»

Единство судебного правоприменения как способ обеспечения верховенства права

В статье рассматриваются проблемы, связанные с теоретической интерпретацией единства судебного правоприменения, обусловленного необходимостью реализации в правосудии идей верховенства права и равенства граждан перед судом и законом, а также анализируются современные способы обеспечения единообразной реализации правовых стандартов в правоприменительной практике.

Ключевые слова: единство, суд, судебное правоприменение, верховенство права, равенство перед судом и законом.

Реализация провозглашенного на конституционном уровне принципа равенства всех перед судом и *правовым* законом¹ возможна только путем единообразного применения права. Единообразный подход к реализации правовых стандартов в правоприменительной практике необходим для воплощения идей верховенства права², предсказуемого и справедливого правосудия. Именно этим объясняется наличие в процессуальном законодательстве такого основания для коррекции судебных актов в процедуре надзорного пересмотра, как нарушение единства судебного правоприменения. Однако законодатель, употребив в процессуальных кодексах термины «единство судебной практики» (ч. 3 ст. 377 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации) и «единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права» (п.1 ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации), к сожалению, не раскрыл их содержания. В правоприменительной практике и правовой доктрине это породило ряд вопросов, связанных с содержательной характеристикой указанных понятий. Распространенная в юридической догматике точка зрения относительно содержания данных понятий

---

¹ Словоупотребление «правовой закон» не является плеоназмом. Употребление данного термина обусловлено тем, что автор различает понятия «право» и «закон», которые не могут рассматриваться как тождественные, поскольку закон представляет собой форму выражения права, при этом *правовыми* будут только те законы, которые соответствуют правовым принципам и не нарушают права человека. Другими словами, различение права от «неправа» осуществляется по содержательному признаку, а не в зависимости от официального установления, как принято считать в привычном для российского сознания позитивизме. Права человека служат критерием различения правовых и неправовых законов, определяют смысл и содержание законов.

² Верховенство права означает связанность государственно-властных субъектов в своей деятельности с правами человека, их высшую ценность в обществе и государстве. Верховенство права предполагает первичность прав человека по отношению к законам и деятельности государственно-властных субъектов в целом.

представляется, по меньшей мере, спорной. Под единством судебной практики, как правило, понимается «единообразное толкование и применение закона, являющееся следствием единообразной правовой квалификации аналогичных юридических дел»³. Такой позиции придерживается и Высший Арбитражный Суд Российской Федерации⁴.

Приведенное понимание единства судебной практики формализованно и предполагает лишь единообразное прочтение норм действующего законодательства, а также безусловное ориентирование судов на некую разработанную модель разрешения споров без учета содержательного аспекта сформировавшейся практики. Это понятие в его распространенной интерпретации может иметь ряд отрицательных моментов. Если утверждать, что цель поддержания единства судебной практики сводится только к формально унифицированному разрешению аналогичных по характеру спора и применимой норме дел, то вполне естественно, что любая устоявшаяся практика (в том числе и правонарушающая) будет соответствовать заявленной цели. Однако такое понимание противоречит конституционно установленным целям правосудия.

К тому же ориентирование судов лишь на формальное следование требованиям нормативных актов и на реализацию их положений в процессе отправления правосудия вне зависимости от содержания не соответствует принципу верховенства права. Формальное следование требованиям любых по своему содержанию нормативных актов исключает необходимость руководствоваться правами человека, общеправовыми принципами и допускает применение в том числе и правонарушающих законов. Кстати, такой формализованный подход к определению единства судебной практики был изложен Президиумом Верховного Суда Российской Федерации в одном из его постановлений⁵. Формализованное понимание единообразия судебной практики прослеживается и в позициях федеральных арбитражных судов⁶.

Применению закона в процессе разрешения спора о праве должна предшествовать его оценка судом на предмет соответствия правовым принципам и конституционно гарантированным правам человека. Если суд придет к выводу, что закон, подлежащий применению в конкретном деле, нарушает права человека, он *обязан* обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с целью возбуждения процедуры конкретного конституционного нормоконтроля. «Отказ от применения в конкретном деле закона, неконституционного с точки зрения суда, без обращения в связи с этим в Конституционный Суд РФ, противоречил бы конституционным положениям, согласно которым законы действуют единообразно на всей территории Российской Федерации, и в то же время ставил бы под сомнение

---

³ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. М., 2007. С. 724.

⁴ См., напр.: Определения Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 12171/09, от 25 июля 2008 г. № 7321/08, от 8 июля 2008 г. № 8209/08, от 27 февраля 2007 г. № 16367/06 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 г. № 25-ПВ04 // СПС КонсультантПлюс.

⁶ См., напр.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 3 декабря 2007 г. № Ф03-А51/07-1/5113; постановление ФАС Московского округа от 7 февраля 2008 г. № КА-А40/13286-07 // СПС КонсультантПлюс.

верховенство Конституции РФ, так как оно не может быть реализовано, если допускается разноречивое толкование различными судами конституционных норм»⁷.

Необходимо обратить внимание на то, что «цель обеспечения единства в судебной системе и результатах ее деятельности заявляется чаще как относящаяся к категории публичных интересов»⁸. Единство судебной практики рассматривается как явление, служащее целям некоей всеобщей пользы. Исходя из этого, противоречащими принципу единства судебной практики признаются судебные акты, хотя и не содержащие ошибки с точки зрения правовых принципов и законов, но вступающие в противоречие с разработанной моделью разрешения аналогичных по характеру спора и применимой норме дел, которая может иметь как правовое, так и правонарушающее содержание. Еще более губительным с точки зрения верховенства права является то, что, как правило, не признаются нарушением единства судебной практики судебные акты, хотя и ошибочные с точки зрения материального и процессуального права, но находящиеся в гармонии с устоявшейся практикой. Это приводит к систематическому нарушению судами прав человека. Публичный интерес, к категории которого относят цель поддержания единства судебной практики, не может рассматриваться как некое абстрактное явление, содержательно отличающееся от частных интересов. Публичный интерес складывается из частных интересов и может существовать лишь во имя их воплощения.

Единство судебного правоприменения, обусловленное необходимостью эффективной защиты прав человека на основе равенства всех перед судом и законом, служит достижению одной цели — обеспечение верховенства права. Ввиду этого *конституционно оправданной* и единообразной следует признавать лишь такую практику, которая формирует модель разрешения споров исключительно на основе правовых принципов и *правовых* законов, служит эффективной защитой прав и свобод человека и гражданина. Единообразная практика необходима лишь в том случае, если она действительно позволяет исключить судебский произвол и возможность вынесения правонарушающих судебных актов. Единство судебного правоприменения не должно рассматриваться как формализованная политика судебных органов по реализации норм действующего законодательства.

Формальное следование требованиям нормативных актов не способно обеспечить эффективную защиту прав человека и отправление справедливого правосудия. Действующее законодательство ввиду его противоречивости и несовершенства само может послужить источником произвола и нарушения прав человека. Независимость судебной власти и принцип разделения властей предполагают возможность судей отвергнуть правонарушающий закон и применить только тот закон, который имеет правовое содержание. Обеспечение судебной властью определенности права, реализация правовых принципов не представляются возможными, если исходить из обязанности судей следовать исключительно букве закона. Более того, на суды возложена конституционная обязанность по осуществлению судебного нормоконтроля.

---

⁷ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П // СПС КонсультантПлюс.

⁸ Морцакова Т.Г. Верховенство права и конституционные основы единообразия судебного правоприменения // Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: Международная коллективная монография. М., 2009. С. 301.

Российское процессуальное законодательство в качестве одного из оснований для отмены или изменения в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу, предусматривает нарушение судами (арбитражными судами) единства судебного правоприменения. Согласно ч. 3 ст. 377 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации жалобы, представления прокурора на определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации и Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные ими в надзорном порядке, подаются в Президиум Верховного Суда Российской Федерации при условии, что такие определения *нарушают единство судебной практики*. Аналогичное основание для отмены или изменения в порядке надзора судебных актов, вступивших в законную силу, предусмотрено в ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Кроме того, в ч. 1 ст. 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации установлено, что в целях обеспечения единства судебной практики Председатель Верховного Суда Российской Федерации или его заместитель вправе по жалобе заинтересованных лиц или по представлению прокурора внести в Президиум Верховного Суда Российской Федерации представление о пересмотре в порядке надзора судебных постановлений, нарушающих права, свободы или законные интересы неопределенного круга лиц, иные публичные интересы либо принятых с нарушением *правил* подведомственности или подсудности⁹.

В соответствии с позицией Президиума Верховного Суда Российской Федерации «полномочия Президиума Верховного Суда РФ в отношении дел, рассмотренных Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ в порядке надзора, строго ограничены. *Президиум Верховного Суда РФ как надзорная инстанция рассматривает дела, представляющие особую важность для обеспечения единства судебной практики* (курсив наш. — Г.А.), нарушенного Коллегией... Для Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ нарушением единства судебной практики может считаться вынесение определений, противоречащих постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, содержащим разъяснения по вопросам судебной практики; постановлениям Президиума Верховного Суда РФ, определениям Судебной коллегии по гражданским делам и Кассационной коллегии Верховного Суда РФ по конкретным делам, содержащим толкования норм материального и процессуального права; материалам официально опубликованных

⁹ Председатель Верховного Суда Российской Федерации или его заместитель могут возбудить в целях обеспечения единства судебной практики надзорное производство по пересмотру вступивших в законную силу решений и определений высших судов республик, краевых, областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области, судов автономных округов, принятых ими по первой инстанции, если указанные решения и определения были предметом кассационного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации; вступивших в законную силу решений и определений окружных (флотских) военных судов, если указанные решения и определения были предметом кассационного рассмотрения в Верховном Суде Российской Федерации; вступивших в законную силу решений и определений Верховного Суда Российской Федерации, принятых им по первой инстанции; определений Кассационной коллегии Верховного Суда Российской Федерации; определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, вынесенных ею в кассационном порядке; определений Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенных ею в кассационном порядке; надзорных определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации; надзорных определений Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации.

Верховным Судом РФ обзоров судебной практики и ответов на возникшие у судов вопросы в применении законодательства»¹⁰.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации, сузив основания для коррекции надзорных определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации как нарушающих единство судебной практики, уничтожил заявленные цели надзорного производства как процедуры по пересмотру вступивших в законную силу судебных актов. Исходя из такого искаженного представления о нарушении единообразия судебной практики, противоречащего конституционно установленным целям правосудия, применяется ст. 304 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации. Исправление судебных ошибок и поддержание единства судебной практики рассматриваются в двух разных плоскостях; судебный акт признается нарушающим единство судебной практики только в том случае, если в нем содержатся существенные нарушения, подрывающие сложившуюся судебную практику. Таким образом, судебный акт может быть отменен или изменен по данному основанию только в части, противоречащей ранее вынесенным решениям. Это не согласуется с заявленной целью поддержания единства в судебном правоприменении, т.е. с осуществлением правосудия на основе равенства всех перед судом и правовым законом. Ввиду подобной интерпретации единства судебной практики получается, что решение, хотя и содержащее судебную ошибку, не подлежит отмене как не противоречащее сложившейся практике, не имеющее особой значимости с точки зрения разрушения устойчивой практики, но при этом явно подрывающее принцип равенства всех перед судом и правовым законом. Такое определение нарушения единства судебной практики уничтожает сущность правосудия в целом и назначение института пересмотра судебных актов в частности, поскольку единственным назначением института пересмотра судебных актов является исправление допущенных судами ошибок при отправлении правосудия, реальное восстановление нарушенного права.

Неправильное представление о нарушении единства судебного правоприменения приобретает все большее распространение в практике высших судов, даже несмотря на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой «статья 304 АПК РФ, устанавливающая основания для изменения или отмены судебного акта арбитражного суда в порядке надзора, не предполагает возможности формирования такой единообразной судебной практики, которая противоречила бы требованию законности. Ошибочный судебный акт, как нарушающий единообразие в толковании и применении арбитражными судами норм права, подлежит безусловному пересмотру в порядке надзора»¹¹.

Основной целью института пересмотра судебных актов, в том числе и надзорного производства, является *исправление судебных ошибок, устранение нарушений правовых норм, допущенных нижестоящими инстанциями*. Основания для изменения или отмены судебных актов в процедурах пересмотра должны применяться исходя из указанной цели. Так достигается общая цель правосудия — восстановление нарушенного права, равная защита прав и свобод человека и гражданина на всей

¹⁰ См.: Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 23 марта 2005 г. № 25-ПВ04 // СПС КонсультантПлюс.

¹¹ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 июня 2006 г. № 214-О // СПС КонсультантПлюс.

территории государства. На это обращал внимание и Европейский суд по правам человека, согласно правовой позиции которого «назначение надзорного порядка рассмотрения дел — исправление судебных ошибок и существенных нарушений. Правовая позиция суда, отличная от позиции вышестоящих судов, сама по себе не может быть поводом к возбуждению надзорного производства»¹².

Исходя из цели поддержания единства судебной практики — обеспечение верховенства права на всей территории государства — нарушением единства судебного правоприменения должно признаваться вынесение любого ошибочного с точки зрения материального и процессуального права судебного акта. Отрадно, что такой же позиции придерживается Конституционный Суд Российской Федерации¹³. Различная реализация правовых стандартов в пределах одного государства свидетельствует о подрыве принципа равенства всех перед судом и правовым законом и, в конечном итоге, о разном правовом статусе граждан в пределах одного государства, что недопустимо.

Таким образом, *под единством судебного правоприменения следует понимать одинаковую реализацию правовых стандартов в правоприменительной практике на основе справедливого судебного разбирательства в целях обеспечения верховенства права на всей территории государства.*

Обеспечение единства судебного правоприменения всегда рассматривалось как одна из основных задач высших судов. Это объясняется иерархическим построением судебной системы, соответствующими конституционными и процессуальными полномочиями высших судов. На высшие суды возлагается обязанность осуществления надзора в конституционном его понимании за деятельностью нижестоящих судов, а также осуществление надзора в процедурах пересмотра судебных актов. «Роль высшего национального суда заключается как раз в урегулировании противоречий в прецедентной практике, связанных с отсутствием ее единообразия. На такой суд возлагается функция по устранению подобных противоречий и утверждению толкования, которому должны следовать нижестоящие суды. В противном случае, сам высший суд становится источником правовой неопределенности»¹⁴. При этом толкование норм права может осуществляться как по результатам обобщения судебной практики в целях устранения противоречий и предотвращения клонирования правонарушающей практики (*абстрактное толкование*), так и в связи с рассмотрением конкретного дела (*конкретное толкование*).

Абстрактное толкование высших судов играет важную роль в формировании и коррекции судебной практики. Разъясняя нормы права в порядке такого толкования, высшие суды издают постановления пленумов. Конституционно обозначенная общезначимость постановлений пленумов высших судов предопределяет необходимость решения вопроса об их юридической силе. Придание постановлениям пленумов высших судов характера нормативности должно сопровождаться внесением соответствующих изменений в законодательство с целью установления

¹² См.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Кот против России» от 18 января 2007 г., жалоба № 20887/03 // СПС КонсультантПлюс.

¹³ См.: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июня 2004 г. № 260-О // СПС КонсультантПлюс.

¹⁴ См.: Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Беян против Румынии» (№ 1) от 6 декабря 2007 г., жалоба № 30658/05 // СПС КонсультантПлюс.

механизма их опровержения в конституционной юрисдикции¹⁵. Любые акты, имеющие признак нормативности, должны подвергаться судебному нормоконтролю.

Верховенство права предполагает защиту прав человека от произвола любых государственно-властных субъектов, в том числе от произвола органов правосудия. Обязательность актов высших судов, содержащих абстрактное толкование, может быть конституционно оправданной только в том случае, если существуют соответствующие механизмы оспаривания правовых позиций высших судов. В противном случае это будет свидетельствовать о допущении произвола со стороны высших судов. Признание обязательности актов абстрактного толкования высших судов без возможности их опровержения свидетельствует об ограничении права на судебную защиту, в данном случае — от произвола органов правосудия. Высшие суды не должны чувствовать себя безответственными за принимаемые ими решения. При этом критерием оценки толкования высших судов должны служить конституционные права и свободы человека и гражданина. Субъекты правоприменения, а также лица, считающие, что актом абстрактного толкования высшего суда нарушаются их конституционные права и свободы, должны иметь возможность обращения к конституционной юрисдикции с целью возбуждения процедуры конкретного конституционного судебного нормоконтроля.

Следует признать, что до тех пор, пока не будут внесены соответствующие изменения в действующее законодательство и не будет прямого указания на возможность оспаривания постановлений пленумов высших судов, установление их обязательности не может быть признано конституционно оправданным, следовательно, постановления пленумов высших судов могут иметь только рекомендательное значение.

Конкретное толкование высших судов, равно как и абстрактное, служит становлению единого правового пространства, чем и предопределяется чрезвычайная значимость постановлений президиумов высших судов по конкретным делам для правоприменительной практики. *De facto* постановления президиумов высших судов служат моделями разрешения аналогичных по характеру споров и применимой норме дел, и в этом смысле имеют прецедентное значение¹⁶. Отправление правосудия на основе принципа *stare decisis* (лат. стоять на решенном), хорошо известного в странах с системой общего права и означающего разрешение судами споров о праве, руководствуясь прецедентом высшего суда, — необходимое условие достижения стабильности права.

Признание актов правоприменения президиумов высших судов судебными прецедентами и придание им обязательного характера должно дополняться (так

¹⁵ См.: Морщакова Т.Г. Указ. соч. С. 335.

¹⁶ Английские ученые в судебном решении выделяют две части: 1) *ratio decidendi* — это сущность решения в том смысле, что именно в ней сформулированы правовоположения, правовые принципы, на основе которых вынесено решение, т.е. в данной части решения содержится собственно правовая позиция суда; 2) *obiter dictum* — «попутно сказанное», т.е. часть судебного решения, в которой излагаются фактические обстоятельства дела. Именно правовая позиция суда, изложенная в *ratio decidendi*, рассматривается как судебный прецедент.

Ratio decidendi, по определению Р. Уолкера, — это «правовоположение, применяемое к правовым вопросам, возникающим в связи с установленными судом фактами, на которых основано решение». Цит. по: Максимов А.А. Прецедент как один из источников английского права // Государство и право. 1995. № 2. С. 97–102.

же как и в случае с обязательностью актов абстрактного толкования высших судов) соответствующим механизмом их опровержения в конституционной юрисдикции¹⁷. В противном случае правовые позиции высших судов не могут иметь обязательного значения при разрешении нижестоящими судами аналогичных дел. Наряду с установлением механизма опровержения постановлений президиумов высших судов необходимо предусмотреть порядок пересмотра судебных актов, основанных на опровергнутой в Конституционном Суде Российской Федерации правовой позиции высшего суда, изложенной в постановлении президиума. Непременному пересмотру и дальнейшей отмене или изменению должно быть подвергнуто и само постановление президиума высшего суда, содержащее неконституционное толкование.

Конституционная юрисдикция, исходящая из приоритета прав человека и являющаяся одним из эффективных механизмов обеспечения единообразного судебного правоприменения, призвана защищать права и свободы человека не только от правонарушающих актов законодательной и исполнительной власти, но и от произвола органов правосудия. Проверая закон на предмет его соответствия положениям Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации принимает решение по делу. Он оценивает как буквальный смысл рассматриваемого акта, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (ст. 74 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»). Это означает, что Конституционный Суд Российской Федерации в процессе нормоконтроля оценивает и судебную практику на предмет ее конституционности. Такое полномочие Конституционного Суда Российской Федерации способствует формированию правильной, соответствующей правовым принципам судебной практики. Акты Конституционного Суда Российской Федерации направлены не только на формирование конституционно оправданной практики в будущем, но и на коррекцию уже существующей.

Обязательность правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации способствует исключению произвола судебных органов, реализации правовых стандартов на основе единообразного подхода к интерпретации их содержания. К тому же Конституционный Суд Российской Федерации, нередко использующий в своих постановлениях правовые позиции наднациональной юрисдикции — Европейского суда по правам человека, способствует их единообразной реализации в российской правоприменительной практике.

---

¹⁷ При этом в конституционной юрисдикции оспариваться будет не акт правоприменения как таковой, а правовая позиция высшего суда, на основе которой вынесено судебное решение.